

Книжная серия
«АВАНГРАНДЫ»

**ЯН
БРУШТЕЙН**

ПЛАЦКАРТНАЯ КНИГА

100 стихотворений

Издательство
Евгения Степанова

2017

Бруштейн Я.

ПЛАЦКАРТНАЯ КНИГА

М.: Издательство Евгения Степанова, 2017 — 110 с.

ISBN 978-5-91865-464-4

«Плацкартная книга» — седьмой сборник стихов Яна Бруштейна. В него вошли избранные стихотворения, написанные, в основном, за 2013–2017 годы.

Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ и Союза российских писателей.

Автор благодарит за содействие в издании книги Благотворительный фонд «Гордость Отечества», К. Б. Игнатьева, Ю. А. Токаева и И. Е. Боева.

Отдельная благодарность за неоценимую помощь в подготовке рукописи — поэту и другу Анне Гедымин.

© Бруштейн Я. Б., 2017

© Бруштейн Я. Б., графика, 2017

© Чкония Д. С., предисловие, 2017

© Власов Г. Е., фото на обложке, 2017

© Издательство Евгения Степанова, оригинал-макет, верстка, 2017

© Климов В. М., название серии, 2015

ПРОСТРАНСТВО НЕСПЕШНОГО САДА

Новая книга стихов Яна Бруштейна — продолжение истории его жизни, отражённой в прежних стихах. Стихи живут памятью, непреходящим чувством течения времени, ощущением нерасторжимой связи времён. Автор, словно его случайный попутчик в плацкартном вагоне, делится наболевшим, пережитым, и доверителен в своих стихотворных рассказах о себе, о дорогих его сердцу людях, об окружающем его мире. Казалось бы, чего проще — веди рассказ неторопливо, загоняя его в размер и рифмуя, благо, тебе эта способность — владеть рифмой и метром — дарована природой. Ну и кому же такой пересказ будет интересен! Вполне разумно задаться вопросом: не проще ли рассказывать свою жизнь обыкновенной прозой?

Если бы Ян Бруштейн не был поэтом, он бы так и поступил. Только не задерживалось бы дыхание читателя, не сжималось бы от сочувственной, задевающей читательское сердце, печали. А дыхание, действительно, перехватывает от сердечной боли, которая открывается нам в стихах об отце, о том, что довелось пережить отцу-фронтовику. И всё же не уважительное воспоминание об отце решает сюжет стихотворения, а человеческая боль сына, который не сказал каких-то важных слов при жизни отца, слов о воспринятой памяти, об этом своём уважении, о понимании той цены, которую отец и его поколение вынуждены были платить за победу:

Это я с последней ротой, с командиром на спине,
И в Синявинских болотах сердце выстудило — мне.
Голос твой — не громче ветра...

Не расслышу, не пойму...

Почему же я всё это раньше не сказал ему.

Такие повороты в сюжете стихотворения характерны для автора, а потому и другое воспоминание о детстве снимает всякий возможный пафос живой пронзительной деталью:

Мой внутренний Ленинград, осыпающийся с холста,
Печальны твои кварталы, и невская гладь пуста.
Вываливаются из рамы, обугливаются края...
Но можно там встретить маму с коляской,
в которой я.

В этом и суть поэтики Яна Бруштейна: будучи мастером сюжетного стиха, он развивает стихотворение в неожиданном направлении, обостряя линию этого движения быстрыми переходами от одной поэтической мысли к другой. Его стих не идёт по накатанной дорожке повествования, сюжет — это повод для философского размышления, для эмоционального поэтического отклика, для сочувствия своим героям, идущего от своего, глубоко личного, переживания. «Проза жизни» преобразуется в предельно искренний разговор художника со временем. А путешествие по книге стихов Яна Бруштейна обнаруживает, что эта книга — хроника жизни, хроника души поэта, где биография переплетена с географией. В его стихах живут люди, вошедшие в сознание автора от поры его детских впечатлений до приметливого взора умудрённого жизнью человека.

А на праздник Шура надевает
Две медали и бредёт по краю
Старого безлюдного села.
Солнышко гуляет медным диском...
На войне она была радисткой,
Но уже не помнит кем была.

Однако, удивляясь мастерству, с которым поэт превращает сюжетную «прозу жизни» в кристаллы поэзии, хочу подчеркнуть главное свойство его художественного мировидения: Ян Бруштейн — лирик по призванию. Это ярко проявляется в его любовных стихах, в его пейзажных миниатюрах. Автор щедр на образную поэтическую речь, метафору, на точность звука и слова, на богато аллитерированный стих. Его поэтическое дыхание свободно и ненатужно. Но суть в том, что эти стихи отмечены непредсказуемостью, неожиданностью, нечаянностью поворота стихотворной речи. Вот, кажется, воспоминание об ушедшей в прошлое любви — о вполне обычном человеческом сожалении, но какой же экспрессией наполнены начальный и завершающий катрены, где сама картина природы, сам пейзаж причастны к переживанию, психологически достоверно отражая чувства автора. Вообще природа во всём её разнообразии — зеркало души этого поэта. Они слиты воедино: поэт, дерево, куст, поле, река, море, скала, они живут одним общим дыханием:

В том месте, где песни срывались у скал
На злые ножи волнорезов,
Глушил я вино за бокалом бокал,
Но был омерзительно трезв...
...И берег, давно отлежавший бока,
В ночи догорал, как бумага,
И прямо над нами башкою быка
Маячила тень Карадага.

Злоупотребляю цитатами, но это идёт от желания ещё раз прокатать через гортань живое слово. Поэтому и завершу краткое вступление ещё одним, исчерпывающим все рассуждения, стихотворением Яна Бруштейна:

Пространство неспешного сада
Светло и беспечно,
В саду этом думать не надо
О грешном и вечном.
А нужно любовно касаться
Деревьев и речи,
И может на миг показаться,
Что мир безупречен.
Как будто бы вспомнило тело
О детском и важном,
Как будто бы жизнь пролетела
Легко и отважно.

Любовно касаться деревьев и речи — природный дар автора этой книги.

Даниил ЧКОНЯ

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Страница тронется, как поезд,
В неё я странником войду,
В плацкартном сяду, успокоюсь,
Что всё-таки не на войну.
А за окном, давно не мытым,
Куда смотрю из-под руки —
Деревни с их нехитрым бытом,
Дороги, реки, старики...
Там часто и людей не видно,
Там печи дымны, зимы длинные,
Но здесь — России сердцевина!
И, чтобы всё соединить,
Я карандашиком старинным
Тяну прерывистую нить.
И эти буквицы кривые,
Как новобранцы боевые,
(Визжит гармошка, словно плетъ)
Стараются, пока живые,
Не помереть, так песню спеть.

МОЛИТВА

Ну сделай, Господи, для меня
Так, чтобы попросту были живы
Среди вранья и среди огня
Все — и любимые, и чужие!
И тот, кто пялится сквозь прицел,
И тот, кто молится о заблудших.
Прости, я лишнего захотел,
Когда земля забирает лучших,
Когда от ярости ножевой
Как будто иглы растут сквозь кожу,
Когда срывается ветра вой...
И всё же ты постарайся, Боже!
Не жду от жизни иных даров
И не имею такого права.
Глаза открою — закат багров.
Глаза закрою — вода кровава.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Вальсок уходящего мая
В невольные слёзы вотру.
Прижмёмся покрепче, родная,
Полегче вдвоём на ветру.

А прошлое холодом дунет,
И травы запахнут, как мёд...
Но двадцать второе июня
Неюное сердце сожмёт.

РОВЕСНИКУ

Мой отец, корректировщик миномётного огня,
Спит — кричит, встаёт — не ропщет,
только смотрит на меня.

А когда глаза закроешь — то в атаку прёт, как все,
То опять окопчик роет на нейтральной полосе,
То ползёт и провод тащит, то хрипит на рубеже...
Папа, ты меня не старше, мы ровесники уже.
Слёзы обжигают веки, эту боль в себе ношу:
Ты остался в прошлом веке, я всё дальше ухожу.
Отчего ж не рвётся между наша общая судьба?
Это я огонь кромешный вызываю на себя,
Это я с последней ротой, с командиром на спине,
И в Синявинских болотах сердце выстудило мне.
Голос твой — не громче ветра...

Не услышу, не пойму...

Почему же я всё это раньше не сказал ему?

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ

Я больше девушку с веслом
Любил, чем пионера с горном.
Когда их обрекли на слом,
Так было горько!
Пацанчик, я на них глядел,
На их огромные фигуры.
Пятнистый гипс торчал из тел
И арматура.
Но всё же гордость в них была,
И стать заслуживала взгляда,
И эта девушка плыла
Над Ленинградом.
Горнист лишь для неё дудел,
И эти каменные звуки
Касались обречённых тел,
Крошили руки...
Шли после гипсовых утех
Года суровые, стальные,
И я смотрю на прошлых, тех,
Без ностальгии.
Но всё ж в душе бедлам и слом:
Пускай живу в молчанье гордом,
Ревную девушку с веслом
К парнишке с горном!

* * *

Мой внутренний Ленинград истаял и обветшал,
Он давно не прикрепляется
к пространствам и вещам.
Но там, на Петроградке,
словно крепкий зуб, мой дом,
И братья мои ещё не сгнули за кордон.

Крылатые львы, озябли вы на мосту,
Вскрикиваете простуженно:
в Москву, мол, летим, в Москву!
Разбрызгивая позолоту, раскалываете пьедестал.
Пришёл бы я к вам, родные, но выдохся и устал.

Мой внутренний Ленинград,
осыпающийся с холста,
Печальны твои кварталы, и невская гладь пуста.
Вываливаются из рамы, обугливаются края...
Но можно там встретить маму с коляской,
в которой я.

ТРАВА

Мне бы уехать в Сибирь за травой,
Дикой, медвежьей, горячего рода.
Недоглядела однажды природа,
Вот и пробилась под клёкот и вой.
Мне на Таймыре о ней прокричал
Старый шаман, почерневший от гнева,
Он обещал, что обрушится небо
И покачнётся начало начал.
Он говорил, что ворвётся трава
В каменный день, позабывший о чуде.
Зверь или птица прознают, почуют,
И доберутся, и смогут сорвать,
И принесут: заberi и уйди! —
Чтобы увидел я, тая от страха:
Вот разлетается мир, как рубаха,
Та, что когда-то рванул на груди.
Буду бурханить* у тёмной воды,
Буду упрашивать древнего духа,
Чтобы лишил меня зренья и слуха,
Чтобы не видеть мне этой беды...
Смехом подавится птица: «Увы,
Как же наивны, доверчивы люди!
Этой травы больше нет и не будет.
Выдохни, плачь, если сможешь — живи!»

---

* Бурханить — задабривать местных духов молоком или водкой.

ЛЮБИТЬ И ПЛАКАТЬ

Я навестил знакомых стариков,
Сплетённых, словно корни или ветки.
Она его держала за рукав,
Поглядывая редко.
Он вырвался неясно, как вода:
«Постой минуту, я поставлю чайник!»
Она его теряла навсегда,
И голос был отчаян.
Но он вернулся к ней, её герой,
А мир качался, словно зона риска...
Однажды ночью он шагнул за край
И вовсе растворился.
Как будто кто-то прокричал: «Замри!»
Когда вокруг — глухая тьма и слякоть...
Она осталась посреди земли
Любить и плакать.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

РАДИСТКА ШУРА

У моей соседки тети Шуры
На мешок похожая фигура,
Две козы, и зуба вроде три,
Пять сынов раскиданы по свету,
Но от них вестей давненько нету,
Как ты на дорогу ни смотри.
А на праздник Шура надевает
Две медали и бредёт по краю
Старого безлюдного села.
Солнышко гуляет медным диском...
На войне она была радисткой,
Но уже не помнит, кем была.
Пусть на Шуре кофта наизнанку,
Но зато она поёт «Смуглянку»,
В ноты попадая через раз.
Говорит мне: «Выпьём самогонки!»
Старый голос — непривычно звонкий,
И в слезах морщины возле глаз.

* * *

Единственный из проклятого рода,
Плевал в колодец и не дул на воду,
И никому не верил на Земле.
Он заплатил за бату-полицая...
Не разглядел тогда его лица я
В плацкартной ненасытной полумгле.
Он говорил, не мог остановиться,
И бился голос, как слепая птица, —
Казалось, что расколется окно.
Он говорил о лагере, о воле,
И я, пацан, объелся этой боли,
И словно бы ударился о дно.
Цедил слова он, бил лещом по краю
Нечистого стола. И, обмирая,
Смотрела злая тётка на него.
Он пиво пил, и нервно цыкал зубом,
И тётке говорил: «Моя голуба...
Не бойся, я разбойник, а не вор!»
Он растворился в городке таёжном,
И все зашевелились осторожно,
Шарахаясь от встречного гудка.
И пили водку, хлеб кромсая ломкий,
И только мама плакала негромко
И говорила: «Жалко мужика...»

ДЫМ ИМПЕРИИ

А дым империи мне сладок не всегда.
Колотит в стёкла зимняя вода,
Запретный смысл пытается морзянкой
Мне передать. И этот вечер зябкий
Наутро обещает корку льда,
Но вывернуто время наизнанку.

А дым империи, а выхлопы машин,
Мороженые профили мужчин
И капюшоны их безликих спутниц...
И путаница гласных, и распутиц
Печальный опыт. Визг и стоны шин
Проглочены глухим пространством улиц.

Последним пламенем вечерних фонарей
Горит моя империя. И с ней
Не просто ни бороться, ни расстаться.
Бахвалятся деревья зимней статью,
Но пальцам отмороженных корней
День ото дня становится больней.

СЕМЕНА

Мне кажется порою...

Расул Гамзатов

Когда слетают с голых веток души —
Туда, где я швырнул чуток пшена,
Мне кажется, что свод небес обрушит
Неслыханная общая вина.

Нет, мы при жизни им не досаждали,
Мы скупое отмеряли каждый час.
И вот они над нашими садами
Крылами машут, взглядом ищут нас.

Усталый мир опять в закате тонет,
И горечи нам выдано сполна...
Я к ним тянусь, и на моей ладони —
Сиротские сухие семена.

БАБУШКА КЕШО

Кто помнит бабушку Кешо,
Её негнущиеся руки?
Под них вели старуху внуки
На перекрёсток. И ещё
Несли для семечек стакан
И маленькую табуретку.
Прохожие здесь были редки,
Лишь я подростком тут скакал.
О, как же семечки вкусны
И дешёвы в то время были!
Я ими дёсны драл до боли,
А шелуху швырял в кусты.
И равнодушный, как Машук,
Курортный город полусонный,
В жаре парящий невесомо,
Смотрел на семечек мешок,
На согнутую пополам
Старуху в одеянье чёрном,
И как я к радостям вечерним
Летел, от жизни пьяный в хлам.
Всё это вижу хорошо,
Но как избавиться от блажи
Сомнений: был ли я, и даже
Была ли бабушка Кешо?..

ВАЛУНЫ

До первого света, до мёртвой луны,
До самого снежного часа,
Искал и ворочал свои валуны —
Попробуй-ка тут не отчайся!
Учил нас когда-то палван* Мухаммад,
Солдатиков первого года:
«Ворочая камни, не требуй наград,
Старайся во славу народа!»
Веками лежат в придорожной пыли,
Под небом, взирающим строго,
И кто оторвет их от этой земли? —
Вросли и уснули до срока.
Ворочаю ныне шершавый мой стих,
С ладоней сдирается кожа...
Слова мои, камни, нет веса у них,
Но как же немыслима ноша!

---

* Палван (тюрк.) — силач, богатырь

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Пахнет весной. Но учти:
Что-то сломалось в пространстве!
Снова шевелятся в ранцах
Маршальских жезлов стручки.
Снова железу невмочь
Мучится жаждой вампирьей.
Нынче взъерошили перья
Птицы, несущие ночь.
Милая, крепче прижмись!
Как бы тебя ни укрыл я,
Что наши слабые крылья —
Слово, и вера, и мысль?..
Утро как будто во сне.
Мир отражается в луже.
Снова молюсь неуклюже
Этой холодной весне.

ЗУБЫ ВОЙНЫ

Мир не спит ночами,
Ему больно,
У него режутся зубы войны,
А зубы мудрости
Догорают тщедушными угольками,
Обжигая язык и дёсны.
Это обстоятельство тоже не добавляет
Добродушия и спокойствия.
Мир состарился и разжирел
За долгие десятилетия без Большой Войны.
Ну да, всё время что-то где-то погромывало:
То там кольнёт, то здесь заноеет,
То уши заложит, то хвост отвалится...
Но он притерпелся —
И без хвоста можно жить!
Но Большая Война...
Это что же — вставай с дивана,
Срочно доедай всё, чем набит холодильник,
Бери шинель (с)
И уходи в эту кровавую кашу,
Которую сам же и заварил?
И никогда уже не возвращайся?..

УЛИТКА

я улитка, мне тяжело таскать мой дом,
в мире липком я прохожу с трудом.
вижу свет из-под корней деревьев и трав,
и за мной поспекает мой древний страх.
там, наверху, нападает на брата брат,
и дома горят, и женщина из ребра
выламывается, голося,
и вселенная умирает в её глазах — вся!
потом зелёный человек,
                    который погром и разгром,
встанет на меня своим сапогом,
и я навсегда вернусь в тишину.
а он с пулей в животе закончит свою войну.

КАМЕНОТЁС

Каменотёс мастеровит,
Но землю трогает устало.
Не стройте храмов на крови —
Не хватит камня и металла!
Солдаты там, где горький дым,
Дыханием придут и болью,
На этом выгоревшем поле,
Под небом тихим и седым,
Водою талой,
Зарёю алой,
Росою малой...

проза
в рифму

1961-й...

В четыре — очередь за хлебом —
Утра, и там вставал рассвет.
Я был худым, большим, нелепым,
Тринадцати лохматых лет.
Старухи, завернувшись в шали,
Молчали, прислонясь к стене.
Они, как лошади, дремали,
Не вспоминая обо мне.
Похмельный инвалид Володя
Гармошку тихо тербил
И крепко материл уродин,
Кто в этом всё виновен был.
С подвывом он кричал и с болью,
Обрубок давешней войны,
Что загубили Ставрополье,
Былую житницу страны!
Я дома повторял: «Вот гады!..»
Но стыд взрывался горячо:
Я ж помнил мамину блокаду
И папин Невский пятачок.
Горбушку посолив покруче
И крошки слизывая с рук,
В окно смотрел я на могучий
И равнодушный к нам Машук,
Мычал фальшиво Окуджаву,
Стихи лелеял в голове...
Кончалась оттепель в державной,
Пока неведомой Москве.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

КАНИКУЛЫ

Анекдот: еврей-разнорабочий!
Я месил раствор, таскал кирпич...
Воду наливал из толстых бочек
И пытался эту жизнь постичь.
Каменщик Серёга, зэк со стажем,
В шрамах и наколках до ушей
(Что ни скажет — словно с маху вмажет),
Всё грозил прогнать меня взашей.
Я старался, я почти сломался,
Я вгрызался в стынувший раствор.
Надо мной всё так же издевался
Каменщик Серёга, бывший вор.
Я давился от тоски и гнева,
Молча матерился и орал.
В спину мне смеялась королева —
Сонька из соседнего двора.
Но наутро, будто по этапу,
Шёл туда, где вздыбились леса,
И опять тащил кирпич по трапу —
Лестнице, ведущей в небеса!
Отгорело лето, снова в школу,
И Серёга в этот сладкий миг,
Хрястнув по спине рукой тяжёлой,
Усмехнулся: «Ну, живи, мужик!..»

ВИТЬКА

Кричал он мне: «А ну-ка, выдь-ка!» —
И я тащился налегке...
Учил меня соседский Витька
Свинчатку прятать в кулаке
И бить с оттягом, прямо в поддых,
Потом с размаху, да в скулу...
Я от приёмов этих подлых
Как вспомню — до сих пор скулю!
Я так не мог. Стирая юшку,
Я клял дружка в звезду и мать...
Но город — яростный и южный —
Меня уже не мог сломать.
Мой друг царил, лихой и строгий,
Пока — шпана, пока — не вор.
И Вовка, инвалид безногий,
Пел под гармошку для него.
Витька зарезали на рынке —
Там, где дышала анаша,
Где всё решали по старинке,
По праву силы и ножа.
Стать во дворе старшим отныне
Мне было выдано бедой.
Лежал он в серой домовине,
Растерянный и молодой.
Всё чаще сон меня уводит
В тот старый двор, в тот мир и дом,
Туда, где фронтовик Володя
Гонял босоту костылём.

ЮЖНЫЕ ПЕСНИ

ИЗ ТАГАНРОГА В МАРИУПОЛЬ...

Там пробирался я к Азову...

Арсений Тарковский

Из Таганрога в Мариуполь —
То автостопом, то пешком...
Ростов мне вслед, как филин, ухал,
Грозил пудовым кулаком.
Я там по молодости грешной
Смутил немало юных дев,
Но, на спину рюкзак надев,
Исчез трусливо и поспешно.
А степь дышала ветром с юга,
И по небу плыла фелюга,
И рыбы шли по облакам,
И пёс — заката кровь лакал.
А степь травой качала чалой
И мне шептала горячо:
«Никак нельзя начать сначала
То, что не прожито ещё!
Но будет — боли и позора
Пора, и страха, и стыда...»
Дыханье мерное Азова
Вело меня невесть куда.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ДЕВУШКИ ХЕРСОНА

Наташе Крофтс

Эти девушки Херсона...
Память сладкая весома,
Были времена!
Из-под век сочится влага.
Где она, моя отвага?
Больше не нужна.
Мимолётно, мимо лета,
Мимо осени раздетой —
В беспонтовый Крым.
Я тогда стремился к Понту,
Только он за горизонтом
Был неуловим.
Но зато в тумане сонном
Вижу девушек Херсона,
Золото и медь.
Опрокинутые лица —
Как днепровская водица,
Как любовь и смерть.

ЦИКАДА

Красным сбрызнута серая ветошь заката,
Волны зло и отчаянно лупят в причал,
Там, где я их стихами не перекричал,
Воздух пряный и сладкий, как будто цикута.
Но слышна эта кроха, ночная цикада,
Заливается, словно в начале начал,
Как бы мир ни состарился, ни измельчал,
Всё же бляеньем вторит овца из закута.
Отвечает ей птица из горнего дыма,
От которого тает глухая вражда,
Даже если бездонна и непримирима...
И не пробуй дремать под шуршанье дождя,
И не ври, что все стрелы истории — мимо,
И не жди, что спасёшься, во тьму уходя.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

В том месте, где песни срывались у скал
На злые ножи волнорезов,
Глушил я вино за бокалом бокал,
Но был омерзительно трезв.
И женщина та, без которой — кранты,
Певунья, чертовка и злюка,
Меня называла привычно на ты,
Но не было слышно ни звука —
Поскольку волна обгоняла волну,
И струны рвались у гитары,
И женщину эту, вовеки одну,
Судьба мне назначила карой.
И берег, давно отлежавший бока,
В ночи догорал, как бумага,
И прямо над нами башкою быка
Маячила тень Карадага.

ОДЕССА

Оставь Одессу одесную,
Когда пойдёшь по облакам,
И, покидая твердь земную,
Последний опрокинь стакан,
И где-то там, за Ильичёвском,
Глоток занюхай коркой чёрствой
И сладким духом закуси,
Поскольку берег жарит рыбку,
И прёт кефали запах зыбкий,
А это — Господи спаси!
И наконец-то растворится
Вкус гари, боли и беды,
И черноморская столица
Солёной изопьёт воды.
Её почувствуешь спиною
С пожарной пеной, адским зноем.
А птиц крикливая орда
Тебя окликнет многократно...
Но, как бы кто ни звал обратно,
Ты не вернёшься никогда.

ПОЛАЯ ВОДА

* * *

Прощай, семидесятый мой февраль!
Ты, старый враль, всё о весне бормочешь.
Умри, тебя нисколечко не жаль,
Ты видишь — март несётся что есть мочи.
Я был зачат в таком же феврале,
В седой любви блокадного разлива,
И Ленинград был первым на Земле,
Кто ждал меня тревожно и пугливо.
Осенний холодок в моей крови,
Февраль, какой же ты захочешь дани?
Балтийский дождик, вспомни, окропи
Мои следы, и лёгкий пар дыханья
Поднимется небыстро в небеса...
Прощай, февраль! Осталось три часа.

ПОЛАЯ ВОДА

Весной приходит полая вода
И старый дом ломает, и деревья,
Пасуют перед этой силой древней
И камни, и литые глыбы льда.
Не устоит и слабая душа,
Её поток сорвёт и покалечит.
Кто думает, что он силён и вечен,
В такие дни не стоит ни гроша.
Останутся пустые берега
И смутные клочки воспоминаний.
Всё это было словно и не с нами —
Немое время, тихая река...
Спасётся только тайнопись корней,
И новый мир произрастёт на ней!

ДОЖДЬ

Дождь лупит, словно пулемётчик,
Дотянется — и всех замочит,
Вояка, гангстер, террорист!
То врежет очередью градин,
То мокрой ветошью погладит
Испуганный дрожащий лист.

Что за весна! Сочится злобой...
И майский день высоколобый
Ругает время, стынь и власть.
А мне плевать на ваши темы,
Не с этими я и не с теми,
Дождём бы надышаться всласть!

Легко он радости научит,
И уползёт устало туча —
Лохмотья, чёрное рваньё.
Душа омыта и открыта,
И трассеры метеоритов
Летят бесцельно сквозь неё.

* * *

За медные трубы, за горькие губы
Заплачено было сполна.
И, если мой вечер уходит на убыль,
Уже не пугает цена.
И радуют эти бессонные ночи,
Когда я дышу и живу,
Но лишь сожаленье пытается и точит —
О том, что проспал наяву,
О том, что не спелось и не доболело,
Не смело прорваться на свет,
О том, что ломало и душу, и тело,
Чему и названия нет.

РЕГИОН 37

Мой беспонтовый, мой провинциальный,
С прозвищем, как будто у села,
Меня пытался выбить из седла,
Но делал только крепче и печальней.

Вот этот город, с цифрой тридцать семь,
Давал мне не ответы, а запреты,
Он думал, что мои пути закрыты,
Он верил, что я заперт насовсем.

Уздою порван рот, и вкус железа...
Но не сдаётся слово, длится звук,
И перья прорывают кожу рук —
Для птицы эти стены бесполезны.

Окно открыто, воздух — как вино,
И небеса распахнуты давно!

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ХОРРОР

Не только Господу и Ворогу
Смотреть вполглаза на меня.
Я заплатил сегодня дорого,
Стремясь увидеть гибель дня.

Луна свои тарачит буркалы,
Деревья голы, дышит мгла.
Не знаю, праведник ли, урка ли
Бредёт ко мне из-за угла.

Едва ли удержусь от крика я,
Когда в тени столкнёмся мы.
И лишь собака невеликая
Спасёт меня на грани тьмы.

* * *

Несущественная разница
Между совестью и долгом.
Отчего же время дразнится,
Ничего не зная толком?
Как же так, слепое прошлое
В спину дышит еле-еле!
Почему ж, моя хорошая,
Мы так много просвистели?
Я стараюсь не отчаяться.
Только что же душу точит
В час, когда не отличается
Хмурый день от светлой ночи?

МОИ ТЕТРАДКИ

1.

Не помню те глупые траты,
Которыми юность полна...
Но как я карябал в тетради,
Слова выгребая до дна!
Так было свободно и сладко,
Стихи возникали как свет...
Но как же горела тетрадка
Потом, через множество лет!
Когда сотрясались основы,
И всё было словно назло...
Я выжил, и вечное слово
Вернулось ко мне и спасло.

2.

Когда ямбическая сила
Меня над миром возносила
Так, что горели прохоря,
Во сне солдатики охально
Стонали и всю ночь кохали,
И от стыда цвела заря!
Я побирался Бога ради:
Осколки слов хватал и тратил,
И было, что — бери и трать!
Солдатский храп вздымался лютый,
Тряслись кровати от поллюций,
И солнце улетало вспять.
Мои армейские тетрадки...
Как говорится, взятки гладки
С того, кто дожил до войны.
Все знали: поутру тревога,
Но, как за пазухой у Бога,
Свои досматривали сны.

ВЕЧЕР ЛОШАДИ

Эта лошадь ходила по лугу,
Эта лошадь ходила по кругу
И как будто несла беду.
Были пятна на шкуре ржавы,
На задворках большой державы
Лошадь плакала на ходу.

Усмехались кобылки криво,
Малолетки неслись пугливо,
И брезгливо смотрел жеребец,
Как старуха терпела пытку,
Как разбиты её копыта,
Как её погоняет бес...

Но в ушах, но в небесной выси
Пели скрипки и трубы выли,
Было всё, как во сне, во сне...
И вовсю развевалась чёлка,
И вертелась юлой девчонка
На широкой её спине.

Лошадь слышала гром оваций,
Но со славой легко расставаться,
Если розданы все долги,
Если смерть ничего не значит!..
На лугу цирковая кляча
Нарезала свои круги.

ЛЬВЫ

Седые львы, бывает, невпопад
Кричат слова — и злы, и богохульны.
Их слышат, но не видят пчёлы в улье,
Их видят, но не слышат все, кто рад
Таращить из-за кованых оград
Глаза и говорить, что львы уснули.
(Здесь Мякишев бы выдал рифму «уйли»,
Но я для этой рифмы слабоват.)
А львы и вправду спят и видят сны,
Их дёсны голы, веки их красны.
А в Питере — восстали пьедесталы,
Они пусты, и лишь мосты из стали
Ведут туда, где обветшавший лев
Проклятья произносит нараспев.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Когда мы пойдём по Неглинной,
Как в юные годы — недлинной,
Где времени звон комариный
В рычании редких авто...
И Сашка, шагнувший в окошко,
И хворью обглоданный Лёшка,
И я, хоть живой — но немножко,
Болтающий что-то не то.
Пройдём по Трубе и Петровке,
Стаканы сопрём с газировки
И в них раскидаем неловко
Чудесные «Три топора».
Мы встанем — три друга, три брата,
Где лестница в небо подъята,
И тихо мне скажут ребята:
«Пора нам, дружище, пора!..»

ВОДОПАД

Я живу в километре от края Земли.
Там бездонна вода, там ленивые рыбы,
Там доньне русалки водиться могли бы,
Но за ними пришли и давно замели.
Возвратилась одна, с рассечённой губой,
Привезли в провонявшем селёдкой бочонке,
Старый ватник на ней, да платок на ребёнке.
Стыли жабры, но вспомнил и принял прибой.
И поплыли они прямиком на закат,
Где гремел водопад, обрывавшийся в бездну,
Где когда-то и я непременно исчезну,
Если только они не вернутся назад.

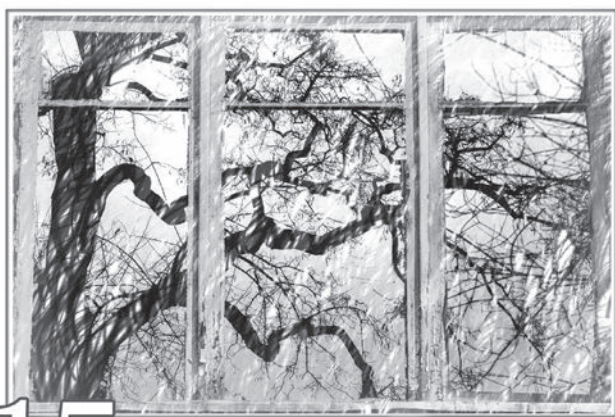
Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Не дал ни злата мне, ни чина
Насмешливый, плешивый век.
Его я прожил самочинно,
Как вольный ветер в голове.
Когда же босым по траве
Забрав с собой одни морщины,
Седой, заслуженный мужчина,
Отбывший жизнь, а может, две,
Я побреду туда, где свет,
Где горизонт и сед, и розов,
Где сам себе я незнаком,
Где никого, возможно, нет,
Где говорить я буду прозой,
А думать, может быть, стихом.

15 ВОСЬМИСТИШИЙ

* * *

Кто-то помер, кто-то сгинул,
Мир сужается до точки,
Остаются только строчки,
Заморочки да клочки.
Но держу прямую спину,
Я — истрачен, обесточен,
Пусть не вечен, всё же прочен,
И не сточены клыки!

* * *

Запечных дел мастер,
Заботливый мой сверчок,
Откроет ли дверь настезь,
Туда, где стоит свечой
Горячий дым банный,
И где на изломе лет
Ты вынырнешь из тумана
Ко мне на своей метле?..

* * *

Как же мне хотелось в море —
Лёгким, злым и молодым!
Этот берег нам prospорит,
Растворится, словно дым.
Мне подальше бы от фальши,
От еля и тоски.
Чтобы жил весёлый мальчик,
Поседевшие виски.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Я закопал свою судьбу
В российской вязкой глубине
И даже вспомнить не могу,
Что в юности мечталось мне.
Язык здесь груб, и разум слеп,
Душа во сне, и в глотках пиво...
Но на полях неторопливо
Среди бурьяна зреет хлеб.

* * *

он слова как тесто месит
он порой винишко квасит
и летит к нему как мессер
время злое словно трассер
неуютная погода
ноет сердце у планеты
снова в штопор из полёта
обрываются поэты

* * *

Волшебное слово «кура»
останется на века
и бабушкина фигура,
похожая на облака.
Из маленькой синей птицы
могла она сотворить
такое, что будет сниться,
пока не прервётся нить.

* * *

Мы живы, значит — одержимы.
От нетерпения дрожа,
Опять наматываем жилы
На бесконечных виражах.
И свято верим, свято верим
В самозабвении пустом...
А счёт победам и потерям
Мы будем подводить потом!

* * *

Мне хотелось так отчаянно
Плыть в каюте на корме!
Корабли давно отчалили,
Предназначенные мне.
Мы привыкли и поверили,
Что стоим на берегу...
Если пустят, то по берегу
Вслед за ними убегу.

* * *

Всё началось, потом — случилось,
Потом закончилось, увы,
Поскольку жизнь — такая милость,
Что не сносить нам головы.
Мы были влюблены, нелепы...
Я всё храню, всё берегу,
Когда от этой боли слепну
На коктейбельском берегу.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Я клеймён был ещё до рожденья
Шестикрылой суровой звездой,
И стояли несметные тени
Долгой ночью, вовеки седой.
Я на этой земле доживаю
Пограничный, изломанный век...
Проступает звезда кочевая
На потёртом моём рукаве.

* * *

из дома замкнутого как дот
из дома выветренного как мол
любовь безжалостно уведёт
туда куда я и раньше шёл
и будет жизнь ещё хороша
и будет в горле комок дрожать
и будет праздничная душа
стихи мальчишеские рожать

* * *

Скажу воробьиное слово
И выйду в пространство окна
Туда, где ни чести, ни славы,
А только свобода одна,
Туда, где вранья ни на йоту,
Где можно забыть о былом,
Где главная в жизни забота —
Размахивать слабым крылом!

* * *

А музыка была вначале!
Она звучала в том саду.
Её порой не замечали,
Как ветер, сон или звезду.
Она была и змей, и древо,
Катился яблоком мотив...
Его протягивала Ева,
Неосторожно надкусив.

* * *

Покуда северная птица
Не расклевала мне глаза,
Покуда сердцу колотиться
Позволят ярость и азарт,
Куда пришли, откуда вышли —
Всё буду помнить. Только — ах!
Как был прекрасен запах вишни,
Застывший на твоих губах...

* * *

Жизнь мучительна и прекрасна...
Потому ль на закате лет
Восхищённо и разнообразно
Я люблю этот белый свет?
Здесь пометки, помарки, знаки
И потешной судьбы места.
Здесь по небу бегут собаки...
Значит — всё это неспроста!

ЗаНоза

НЕ ПИШЕТСЯ

1.

Не пишется. Спаси меня, сонет...
В окно луна таращится бесстыдно,
И сонмы звёзд бегут в порыве стадном,
И души жмутся к уголькам планет.
Как этот путь безрадостный воспет!
Как будто нет нам на Земле предела,
Приюта, где любовь сильнее тела,
Но есть, кому заплакать нам вослед.
Холодную луну сожжёт рассвет,
И можно разогнуться, распрямиться,
Увидеть даже те родные лица,
Которых в это время с нами нет.
Не пишется... Так жить себе позволь!
Всё радуется сейчас, и даже боль.

2.

И хорошо, и легче на душе,
Когда стихи закончатся. Уже
Осталось так немного до порога...
И не сгодился для судьбы пророка
Мучительный, но невеликий дар.
И пусть погаснет в сердце этот жар,
Мне не дававший жить легко и сонно —
Здесь, на краю, у пропасти бездонной.
Смотреть, дышать, ловить ладонью снег,
И мучить скайп, где так поспешны внуки,
Собаку гладить, изнывать от скуки,
И умереть, желательно во сне.
Закончен этот непосильный труд...
Но бьются строки, жгут и кожу рвут!

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Кто эту женщину придумал,
Кто колдовал, кто плюнул-дунул,
Кто знал: я с ней не обручён,
Но вычислен и обречён?

Жизнь прожита, судьба прошита
Суровыми стежками быта,
Но как же дышат эти швы
Шершавым запахом айвы!

Что я искал, какого смысла?
Наш год вильнул хвостом и смылся...
Что я из этих дней скрою,
Когда останусь на краю?

И вижу я, когда взлетаю
Над пережитыми годами,
Вот эту женщину во мгле
На опрокинутой земле...

ЗАНОЗА

право лево криво клёво по лесной почти трясине
по резной листве кленовой по дымящемуся дню
по горе с названьем горе потерявшийся разиня
там где стынет небо сине я отчаянно гоню
и давно увидел дно бы только новы эти дали
только выдали мне долю мама время да строка
и кому кричать спасибо что дороги раскидали
что нам судьбы нагадали как бессрочные срока
а пока беги железо и крути свои колёса
и конечно эти слёзы я забыл и разменял
право лево криво клёво вылетаю из заноса
и горит горит заноза прямо в сердце у меня

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ВЕТЕР

Мои деревья злы и тощи.
В отсутствие календаря
Выл ветер, по дворовой роще
Летал, кромсая и дуря.
Он бил под дых, он рвался в окна,
Слепил глаза, стирал черты,
И песня сфер, как голос волка,
Не пробивала пустоты.
А ветер тряс ворота рая...
По рельсам — тем, которых нет,
Гремели мёртвые трамваи,
Покинувшие вторчермет.

* * *

Окрестный мир промок до нитки,
И смыты все его манатки,
И, не сдаваясь ни минутки,
Сочится с неба маета.
И не выходит пёс из будки,
Не хочет ни костей, ни булки,
И не нужны ему прогулки,
Ему не нужно ни черта!
А я в окно гляжу упрямо
И слова не скажу упрёка
За то, что вся эта непруха
Так перепутала пути...
Мне, словно псу, сегодня плохо,
Ну, прямо как по уху плюха,
И лучше голову на плаху,
Чем это поле перейти!

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Шалтай-Болтай... Трагический разлом:
Когда Шалтай проходит напролом,
Сжимает сердце слабому Болтаю!
Он тих и робок, он читатель книг,
Когда Шалтай несётся напрямик,
Душа сквозит, от этой боли тая.
Кто я? Скорее — книжник, стихоплёт,
Но всё ж туда, где плющит или прёт,
Меня уводит ярость кочевая.
Тогда кричу я небу: «Погоди,
Услышишь, как стучит в моей груди
Неистовая мельница Шалтая!»
И пусть за фалды держит слабый брат,
Мои лохмотья тают и горят,
Под ними тяжким грузом зреют латы.
Растай, Болтай! Ведь ты, как шёпот, чист...
А на разбойный, беспокойный свист
Мой конь летит, тяжёлый и крылатый.

МОЙ ДВОР

Мой двор похож на обнажённую в годах:
Асфальт в морщинах — слева. А направо —
Погибший бывший снег, зимы ушедшей прах,
Обрубки тополей, и с самого утра
Дымит помойки ржавая отрава.
Но между радужных brutальных талых вод,
Там, где берёзы дышат еле-еле,
Визжит детня, орёт ничей щенок, и вот
Уже летят беспечные качели!
А посреди двора — как рассказать о том?
Слова теряются, и шаг неровен —
На солнце щерится забытый Богом дом,
Ковчег в два этажа из чёрных брёвен.
Шальные люди проживают глухо тут,
Их сон пуглив, их руки пахнут глиной,
Ехидные соседки этот дом зовут,
Пожалуй, не без страха, — Украиной.
Спасают здесь щенка и льют из окон дрянь,
Растят детей, за нами смотрят зорко
И ждут, когда же нас в предутреннюю рань
Поток небесных вод утащит к горизонту!

Ян Бруштейн

плацкартная книга

САД

Неравный и неправедный обмен:
Коснулось узловатых старых вен
Дыхание безумства и разбоя.
По мокрому песку иду в тоске,
Где мёртвый пес оставил на песке
Следы давно замолкнувшего воя.
По жаркой кромке моря и стиха
Моя душа, беспечна и легка,
Пройдет до ей назначенного ада.
И ловкий чёрт зажжёт сырой огонь...
Но вынесет меня зелёный конь
В просторы облетающего сада.
Останется — на счастье ль, на беду —
Деревья посадить в моём саду,
Укрыть землёй потрескавшийся камень,
Набросить сверху звонкую траву,
Понять, что здесь я заново живу
И снова разговариваю с вами.

НОЧЬЮ...

Господи, я сомнением вывернут весь!
От хулы до молитвы мой шаг неровен.
Когда невозможны ни высь, ни весть,
Я сам себе жертвенник, сам себе овен.
Ждал ли я этого — больной спины,
Умирающей памяти, растворения в пране?..
В моей пустыне раскалены
Камни, с которых сойти не вправо.
Но обожжённой своей стопой
Я повторяю попытку шага.
Господи, как же мне быть с тобой
Ночью, когда не горит бумага?

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

эти каменные были
в паутине и в пыли
знаки памяти и боли
чья-то выбила рука
это мы с тобой приплыли
это мы с тобой дошли
наши беды и любви
принесли издалека

в спину нам дышала матом
расписная сторона
был бы я по жизни мотом
всё растратил бы допрежь
только дальние раскаты
и небесная война
да работа да заботы
на закорках не допрёшь

этот груз полна кошёлка
только выгорел дотла
всё отбросить и не жалко
и остаться налегке
там где травы мягче шёлка
и замёрзшая ветла
и последняя рыбалка
на заплаканной реке

* * *

Ну, вот и всё, погас и облетел
Осенний день, привычно суматошный.
Небесный волк, пока что злой и тощий,
Грызёт луну, и нет важнее дел.

Ещё вчера я пялился в тоске
На жёлтый блин, повисший над забором,
И город надрывался птичьим ором,
И билась жила на моём виске.

На лике убывающей луны
Уже видны следы слепого мрака...
Но тише, тише, спит моя собака!
Луна, и волк, и я — всё это сны.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Сметая время патлами седыми,
Март отлетел, оставив пыль да боль,
И брезжит лето в дыме, и садами
Слепая сушь приходит за тобой.
Так радуйся, пока останкам снега
Дано разгладить трещины у рта,
И твой апрель, разбитая телега,
Гремит у лошадиного хвоста,
И, конский волос на гнездо ворюя,
Бьет птица растопыренным крылом,
И лошади потрепанная сбруя
Скрипит, и мы несемся напролом!

ВСТРЕЧНОЕ

Консервная банка с колёсами
На мокрой дороге козлит,
И дым над лесами белёсыми
Бетонных касается плит.

Как будто бы мёртвые с косами,
Стоят верстовые столбы,
И тени маячат раскосые —
Из прошлой, не нашей судьбы.

Мы едем, отравлены сказами,
Гроза нас колотит, как плеть,
И фарами ночь лупоглазая
Горит, но не может сгореть.

РАССВЕТНОЕ

С одра долгоиграющей болезни
Вставать придётся тотчас, хоть облезни,
Поскольку то восход, а то рассвет,
И птицы в окна клювами колотят,
Оголодали в крике и полёте,
Им зрелищ до фи́га, а хлеба нет.

Несу я корки прямо на ладони.
В груди стучат затравленные кони,
Которые не знали никогда
Узды, кнута, а только страсть и ярость.
Им не указ моя смешная старость,
Им срок и время — вовсе ерунда!

Что птицам наша суета земная!
Клюют и благодарности не знают,
И только колченогий воробей,
Схватив отдельно брошенную крошку,
Мне подмигнул, но отскочил сторожко
И усмехнулся криво: «Не робей!»

Летели птицы, звали за собой...
Но воробей — он местный, здешний, свой.

ДЕНЬ-ДОХОДЯГА

Этот день-доходяга исчерпан до дна,
Он извергнут из прорвы горячей,
И гремит погремушкой скупая мошна,
И не слышит его только зрячий.
То он трется о ноги, как мартовский кот,
То в ночи копошится и дышит,
И не видит его, ты пойми, только тот,
Кто давно зажигает без крыши,
Кто летает и тает, покинув свой дом,
Кто глотает и дым, и пространство,
Кто газетный язык понимает с трудом,
Выбирая стихи или пьянство.
Этот день... Он огрызок ушедших эпох,
Провонявших то кровью, то дустом.
И растерянно смотрит всё бросивший Бог,
И в безбрежных глазах его — пусто.

МУЗЫКА В ПЛЁСЕ

1.

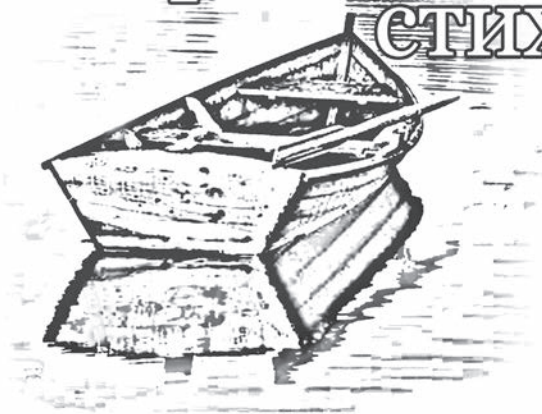
Когда судьба согнёт в дугу,
Сбегу и здесь, на берегу,
Где город меньше табакерки,
Где я не виден, не сочтён...
Какое дело мне, что он
Не по моей построен мерке!
Мой Плёс, перчатка на руке,
Я — ненадолго, налегке,
Опять вдыхаю воздух волглый.
Ты мне уже почти чужой —
Что там осталось за душой?
Не больше, чем огней за Волгой!
И не спрашивай меня
О том, как жил, что разменял,
Зачем свои листаю годы,
Куда сбежал я от стыда...
Уходит это всё, когда
Смотрю на гаснущую воду.

2.

А воздух музыкой дрожит...
Тогда оставь и дом, и быт,
Скорее навостри колёса —
Сквозь листьев жёлтую пургу
Туда, где ждёт на берегу
Бездымное пространство Плёса!
Туда, где зарево осин,
Где только Левитан один
За Волгу смотрит и не слышит,
Как до-ре-ми-фа-соль по крышам —
Не дождь, а Моцарт озорной,
За ним Чайковский — боль и зной —
Спешат, и слышно за спиной,
Как музыка живёт и дышит!

Прошу тебя, и ты дыши,
Короста облетит с души,
Как листья с дерева глухого,
И можно зиму перемочь,
И бестолочь перетолочь,
И музыки дожждаться снова...
Мы молча ехали домой,
В туман такой, что Боже мой,
Ни неба, ни земли, ни века,
И только призраки берёз,
И только мир летел вразнос
Уже почти без человека.

деревенские
стихи

* * *

Упало солнце за селом,
Где я чужой, где я пришелец,
Где старый дом молчит, ощерясь,
Пропахший полусонным злом.
Я этот сруб ласкал рукой,
А он в ладонь втыкал занозы
И провожал меня, несносен,
Словцом, похожим на укол.
В осеннюю слепую гнусь
Я уезжал, почти что плача...
Вослед мне дом желал удачи
И ждал, когда же я вернусь.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

И кто бы знал, куда иду,
Когда тревожит ветер с юга,
И небо злое, как дерюга,
Забывая в моём саду!
Наш дом сегодня — сирота,
Он дремлет и почти не дышит,
И видит сны под старой крышей,
А в них — простор и пустота.
Меня там нет. Собачий след
Засыпан временем и снегом.
Я — в городе, сыром и пегом,
Где первый нем, а третий слеп.
Второму — мне — не по себе.
Зима растает, и не жалко...
А по весне вернуться галки
И будут жить в печной трубе.

БАЛАЛАЙКА

Сосед мой берёт балалайку
Под вечер субботнего дня.
На нём — безразмерная майка,
А в нём — пол-литра огня.
Глаза его — словно у рыси,
А руки струну теребят...
Кричит мне: «Послушай, Борисыч,
Вот, выучил для тебя!»
Из бани, до блеска отмытый,
Поёт о чужой судьбе.
Былого антисемита
Слегка придушил в себе.
Дружище, ещё сыграй-ка
Падение, и полёт...
Он мучает балалайку
И «Тум-балалайку» поёт!

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

В месте, где я гвоздями прибит
К долу и к полу, к любви и хандре,
Солнцем и тенью весь день рябит
В дачном, удачном моём ведре.
Я эту воду из родника
Нёс, по дороге не расплескав,
Вот и пристала ко мне тоска,
Шла и держалась за мой рукав.
Я у калитки сказал: «Войди,
Может, и выйдет от встречи толк».
В маленький глечик плеснул воды
И протянул ей: «Отпей глоток!..»

* * *

На закате, пока разминается лес,
Ожидая похода во тьму,
Между тучами — красного теста замес,
Но на хлеб я его не возьму.
Потому что возню начинающий бес —
Не давать же мне имя ему! —
В этот замерший мир основательно влез,
Неподвластный суду моему.
В этот миг, в этот час я душою ослаб,
Чуя сладкую кровь на губах,
Но оранжевый пёс, не боящийся зла,
Побеждает сгустившийся страх,
И на небе следы остаются от лап,
Словно клочья цыганских рубах.

ШИШОК

Вот так живём, потом умрём...
Банальность признавая эту,
Покуролесил я по свету,
Но трезвым отмечал умом,
Что лучше нет тюрьмы, чем дом —
Там все приметы, все ответы,
И там Шишок зимой и летом
Поёт мне песни о былом,
О том, как многих проводил,
Но помнить всех не стало сил,
И как без них темно и тяжко...
Так день за днём, уже без сна,
Он мне читает имена
По списку на своей бумажке.

* * *

На снег спустились первые грачи,
Берёза за окном в тумане тонет.
Веселый чёрт в печной трубе кричит —
Весну в отдельно взятом регионе
Приветствуя, он пляшет и гудит.
Тепло ещё накличет непременно.
А роща рвёт тельняшку на груди,
Хотя стоит в сугробах по колено.
Я выхожу на волглое крыльцо,
И птичий грай звучит весенним зонгом.
Туман ладошкой гладит мне лицо,
И алый свет встает над горизонтом.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ХИЧКОК

Только зазевайся — птицы налетят,
Злые, нападут, клювами забьют.
Как уйдешь из дома — зонтик захвати,
Из железа сшит, кованы края.
Будут птицы биться — клювы отобьют,
Будут горько плакать, сядут на забор.
А забор, плетённый ивовым прутом,
Корешок пустил, листья раскидал.
Под забор, под иву, спрятался ручей,
Рыба в нём живёт, птицу сторожит.
Выйду на крылечко, молча посмотрю,
Как сумеет рыба птицу одолеть...

РЕЧКА МОЛОХТА

Молохта моя — длинная, как день с утра,
Быстрая, как дыхание на бегу,
Холодная, как последняя из утрат.
Что ещё вспомнить могу?
В твоих бочагах вздыхают сомы,
Твои кувшинки — следы от солнечных лап.
Не от сумы спасаюсь, не от тюрьмы —
От поздней печали, в которой я тих и слаб.
По этому берегу бегал мой огненный пёс,
И я (нынче странно это) за ним попевал,
Всплески и блики ловил он, цветы и стрекоз.
Вспомню — и наповал!
Облака над рекой — неспешные овны,
И солнце за ними — мой рыжий, мой золотой...
А сердце стучит так же неровно,
Как эти стихи — задыхающейся строкой.

* * *

Конец недели как отрезало
От времени и от пространства...
Соседка, необычно трезвая,
Уходит вдаль со школьным ранцем.
Не пропадать же — дочь шалавая
Давно простилась и отчалила.
Бутылки — левая и правая —
Звенят привычно и отчаянно.
А друг её, Степан Васильевич,
Весь истомился в ожидании.
Когда-то он её насильничал,
Однако дело это давнее.
Оно и было, может, лучшее
Во всей судьбе её усталой...
Я вслед смотрю и время слушаю,
Которого осталось мало.

* * *

Там, где улица моя деревенская
Поворачивает круто на юг,
Разлилась тоска такая вселенская —
Даже птицы от неё не поют.
Петухи молчат, как будто зарезаны,
У соседа сдохла бензопила...
Нынче улица скупая и трезвая,
Никогда она такой не была.
Наши псы сегодня злы и взъерошены,
Только нюхают парок от земли.
Дай нам, Боже, хоть чего-то хорошего...
А по небу — облака, корабли...

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

В забытом доме лесника
Остались только пёс и кошка.
Сидят и смотрят на дорожку.
Их жизнь — трудна, судьба — легка.
Пес очень стар, почти что слеп,
Он ходит мало и неловко,
И кошка делится полёвкой,
А то и птицей — тоже хлеб.
Порой приходит человек,
Чужой, неправильный, но добрый,
Приносит лакомства и долго
Сидит, не поднимая век.
День откатился и пропал.
Не видно маленькую стаю.
И понемногу зарастает
Туда ведущая тропа.

* * *

Этот край, пустой и гулкий, как тоска,
Колет небо редким гребнем колоколен,
Но дыханию прозрачного леска
Я сегодня и подвластен, и покорен.
Устыдится покрасневшая листва
И слепых дождей, и хлябей под ногами.
Но смотри: пробились новые слова
На обочинах, засеянных не нами.
Соберу, дойду и буду слушать их,
На седом бревне устроившись удобно.
Кто узнает, для чего я здесь затих —
В эту морось, у поленницы, у дома?..

БЕРЁЗА

Корявая берёза у забора.
Её верхушку выел огонь небесный,
А сердцевину поразила гниль.
Её ветвям — кривым, сухим и длинным —
Так надоело нам грозить паденьем,
Они давно мечтают об огне.
Так раковый больной ждёт избавленья.
Так я — в ночи и боли, и без сна...
Но как же быть, она весной — живая!
И угощает материнским соком,
И шепчет, и бормочет горячо.
Пускай стоит, столетнее безумье,
Пускай роняет сморщенную кожу,
Её сгребая и ташу в костёр.
Смотрю на бересту — горит бумага!
И проступают в пламени слова.

* * *

Снова яблони тяжело плодами больны,
Снова трогают землю ветвями.
И заметно, что лист отдаёт без борьбы
Эту почву, забытую нами.
В одичавшем саду хорошо помереть
В будний день, предположим, что в среду.
И, уже растворившись почти что на треть,
Закатиться под вечер к соседу.
И немного поесть, и немного попить,
И спросить самогона с калиной...
И найти, и срastить повреждённую нить
Жизни, ставшей негaданно длинной.
И блаженно смотреть, как текут искони
Стаи птиц, расчертивших полкряя.
Привалиться спиной к деревянной стене
И дышать, ничего не желая.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

В том доме, где погашен свет
И выбито стекло,
Хозяйки нет, и кошки нет,
И воздух унесло.
Где был когда-то сонный сад —
Одни сухие пни.
И только листья там горят,
Былые сны и дни.
Обходят люди за версту...
Но просто, без затей,
Влетает птица в пустоту —
Кормить своих детей

СНЫ И САМОЛЁТЫ

Осенний сад в предчувствии мороза,
Слетают с веток сны и самолёты,
Идёт сосед, до ужаса тверёзый,
Весь в телогрейке и зелёных ботах,
    В руке бутылку мутного несёт.
Мои ворота он зовёт вратами,
Он — философ, с таким вот удареньем,
Он знает, что Земля полна врагами,
Но любит пойло заедать вареньем,
    Мне оставляя пряный тёмный мёд.
А самолёты, жёлтые, как листья,
Спешат, озорничают не по-детски,
Пути их мглисты, и хвосты их лисьи,
И не успеешь охнуть и взглядеться,
    Как сгинут в лужах, в сырости и тьме.
Сосед нальёт: «Давай помянем что ли
Короткое, но яблочное лето...»
Я задохнусь от боли, и в неволе,
Пробитое стрелою самолёта,
    Споткнётся сердце, неподвластно мне.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

Вскипели яблони и вишни,
И белой пеной изошли,
Как будто на рассвете вышли
Из обезумевшей земли.

Так вырвались они из мрака,
В тот час, когда прощенья нет.
И ошавшая собака
Вдыхает этот божий свет!

ЖИМОЛОСТЬ

Ты свои снега под ноги мягче кинь...
Через голосащие ветра
Тянет фиолетовые пальчики
Жимолость, застывшая вчера.

Вот как в этой жизни всё заверчено —
И весна, и жимолость, и мы.
Так бывает: слабое, но вечное
Выживает посреди зимы!

Ян Бруштейн

плацкартная книга

ЯБЛОНЯ

В безумном мире есть одна забота:
Болеет яблоня и стонет при ветрах.
Кору теряет. Стынет у забора,
Но яблоки лелеет на ветвях.
Перезимует? Ствол измазан глиной,
Ломает ветки непосильный груз,
Зима пребудет яростной и длинной,
И потому тревожна эта грусть.
Грибов и яблок — столько не бывает!
Старухи каркают о бедах и войне...
Но яблоня моя стоит живая.
Дай Бог, она проснётся по весне.

* * *

Собирать огурцы, обрывать смородину,
Слушать стук от падалки, нюхать ветер...
И не знать, что вы там в этот час сморозили
В раскалённом злобою Интернете.
Улыбнуться, увидев знакомых галок,
Разогнуться, руку пожать соседу,
И понять, как потерян, силён и жалок
Этот город, куда я сейчас уеду.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

А просто надо плыть по мелкой и ветвящейся реке
На лодке с плоским дном,
от города и мира вдалеке.

Не рвать кувшинки,
не распугивать печальных рыб —

Мы тоже так могли б,
мы тоже так когда-нибудь смогли б...

И просто надо знать, о чём вздыхает старая сосна,
Ей нынче не до сна, она иные знала времена.
Над ней летит сова, не понимая, что ей делать днём,
И видит на реке давно пустую лодку с плоским дном.

ВРЕМЯ ГРУШ

Я ловец не душ, а груш,
Падающих с высей.
Время спелости, к тому ж
Тихой песни лисьей.
Груши грудками, заря,
Словно груша, тает,
На пороге сентября
Тишина такая!
Наберу я груш — ушат,
Время бродит где-то...
Только ёжики шуршат
На излёте лета.

Ян Бруштейн

плацкартная книга

* * *

От моей судьбы цветастой
Не осталось даже дыма.
Как по миру ты ни шастай,
Но пора прибиться к дому,
Чтобы тлела у забора
Бузина неопалима,
Чтобы пели птицы хором
Непонятное другому...

* * *

Пространство неспешного сада
Светло и беспечно,
В саду этом думать не надо
О грешном и вечном.
А нужно любовно касаться
Деревьев и речи,
И может на миг показаться,
Что мир безупречен.
Как будто бы вспомнило тело
О детском и важном,
Как будто бы жизнь пролетела
Легко и отважно.

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Ян Бруштейн родился в Ленинграде. Без малого полвека живёт в Иванове.

Работал в газетах, на телевидении, преподавал в вузе. Кандидат искусствоведения.

В 70-х активно печатался, в том числе в «Юности» и «Знамени», пока его поэма, опубликованная в журнале «Волга», не была разгромлена «за формализм» в газете «Правда». За этим последовала резкая критика первой книги в местной писательской организации. В итоге замолчал на четверть века.

Снова начал сочинять стихи и прозу в 2008 году. В результате вышли в свет шесть поэтических книг и более шестидесяти публикаций в журналах «Дружба народов», «Дети Ра», «Зинзивер», «Сибирские огни», «День и Ночь» и многих других изданиях в России и за рубежом.

Член Союза российских писателей, Союза писателей 21 века и Русского ПЕН-центра.

Лауреат многих литературных конкурсов и премий.

СОДЕРЖАНИЕ

Даниил ЧКОНИЯ, Пространство неспешного сада..... 3

«Страница тронется, как поезд...»..... 7

СЕМЕНА

МОЛИТВА 10

«Вальсок уходящего мая...» 11

РОВЕСНИКУ 12

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ 13

«Мой внутренний Ленинград истаял и обветшал...»... 14

ТРАВА 15

ЛЮБИТЬ И ПЛАКАТЬ 16

РАДИСТКА ШУРА 17

«Единственный из проклятого рода...»..... 18

ДЫМ ИМПЕРИИ 19

СЕМЕНА 20

БАБУШКА КЕШО..... 21

ВАЛУНЫ..... 22

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА 23

ЗУБЫ ВОЙНЫ..... 24

УЛИТКА..... 25

КАМЕНОТЁС..... 26

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ..... 27

ПРОЗА В РИФМУ

1961-й... 30

КАНИКУЛЫ 31

ВИТЬКА..... 32

ЮЖНЫЕ ПЕСНИ

ИЗ ТАГАНРОГА В МАРИУПОЛЬ.....	34
ДЕВУШКИ ХЕРСОНА.....	35
ЦИКАДА.....	36
«В том месте, где песни срывались у скал...».....	37
ОДЕССА.....	38

ПОЛЯЯ ВОДА

«Прощай, семидесятый мой февраль!...».....	40
ПОЛЯЯ ВОДА.....	41
ДОЖДЬ.....	42
«За медные трубы, за горькие губы...».....	43
РЕГИОН 37.....	44
ХОРРОР.....	45
«Несущественная разница...».....	46
ДУША.....	47
МОИ ТЕТРАДКИ.....	48
ВЕЧЕР ЛОШАДИ.....	49
ЛЬВЫ.....	50
«Когда мы пойдём по Неглинной...».....	51
ВОДОПАД.....	52
«Не дал ни злата мне, ни чина...».....	53

15 ВОСЬМИСТИШИЙ

«Кто-то помер, кто-то сгинул...».....	56
«Запечных дел мастер...».....	56
«Как же мне хотелось в море...».....	56
«Я закопал свою судьбу...».....	57
«он слова как тесто месит...».....	57

«Волшебное слово "кура"...»	57
«Мы живы, значит — одержимы...».....	58
«Мне хотелось так отчаянно...»	58
«Всё началось, потом — случилось...»	58
«Я клеймён был ещё до рожденья...».....	59
«из дома замкнутого как дот...»	59
«Скажу воробьиное слово...»	59
«А музыка была вначале!..»	60
«Покуда северная птица...»	60
«Жизнь мучительна и прекрасна...».....	60

ЗАНОЗА

НЕ ПИШЕТСЯ	62
«Кто эту женщину придумал...».....	63
ЗАНОЗА	64
ВЕТЕР.....	65
«Окрестный мир промок до нитки...»	66
ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ	67
МОЙ ДВОР	68
САД	69
НОЧЬЮ...	70
«эти каменные были...»	71
«Ну, вот и всё, погас и облетел...»	72
«Сметая время патлами седыми...».....	73
ВСТРЕЧНОЕ	74
РАССВЕТНОЕ	75
ДЕНЬ-ДОХОДЯГА	76
МУЗЫКА В ПЛЁСЕ.....	77

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТИХИ

«Упало солнце за селом...»	80
«И кто бы знал, куда иду...»	81
БАЛАЛАЙКА	82
«В месте, где я гвоздями прибит...»	83
«На закате, пока разминается лес...»	84
ШИШОК	85
«На снег спустились первые грачи...»	86
ДЕРЕВЕНСКИЙ ХИЧКОК	87
РЕЧКА МОЛОХТА	88
«От времени и от пространства...»	89
«Там, где улица моя деревенская...»	90
«В забытом доме лесника...»	91
«Этот край, пустой и гулкий, как тоска...»	92
БЕРЁЗА	93
«Снова яблони тяжко плодами больны...»	94
«В том доме, где погашен свет...»	95
СНЫ И САМОЛЁТЫ	96
«Вскипели яблони и вишни...»	97
ЖИМОЛОСТЬ	98
ЯБЛОНЯ	99
«Собирать огурцы, обрывать смородину...»	100
«А просто надо плыть по мелкой и ветвящейся реке...»	101
ВРЕМЯ ГРУШ	102
«От моей судьбы цветастой...»	103
«Пространство неспешного сада...»	104
<i>Справка об авторе</i>	105

Книжная серия «Авангарнды»

Ян БРУШТЕЙН

ПЛАЦКАРТНАЯ КНИГА

100 Стихотворений

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Гарнитура Myriad Pro
Тираж 1000 экземпляров.
Сдано в набор 31.07.2017
Подписано в печать 09.08.2017

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75

Книга издана при участии
ООО «Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, 13
Тел. (499) 152-28-04

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.